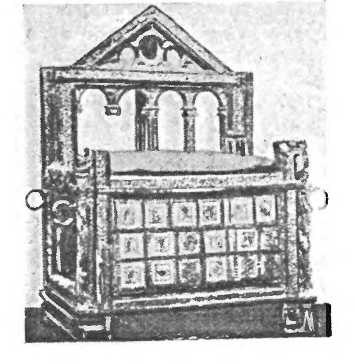
ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ"

№ 26 Суббота, 12 (25) іюля 1903 г. № 26

Каѳедра св. Петра.
Кресло въ ватиканской базиликѣ, сохранившееся со временъ перваго папы, на которое Левъ XIII возсѣлъ 20-го февраля 1878 года.

Іоахимъ Печчи
(папа Левъ XIII) въ молодости.

Іоахимъ Печчи въ день избранія его папой.

РУССКІЕ ИГРОКИ.

Изъ воспоминаній артиста императорск. театр. Константинова, составилъ

А. Заринъ.

XX.

Шефъ корпуса жандармовъ, всесильный въ то время Н. В. Мезенцевъ, никогда не измѣнялся въ своихъ старыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ бывшими своими товарищами.

Такъ, полковникъ Н. М. Макаровъ и камеръ-юнкеръ П. П. Совренцо, несмотря на ихъ нравственное паденіе, пользовались дружбой его до послѣдняго часа жизни и не разъ эксплуатировали ее въ свою пользу, устраивая за деньги разныя дѣлишки.

Между прочимъ, Мезенцевъ, вмѣстѣ съ Совренцо, каждую недѣлю бывали у Ивана Александровича Варгунина, куда приходилъ и А. А. Ивашевъ. Встрѣчая каждую недѣлю у Варгунина Ивашева, Мезенцевъ, несмотря на дурную, но совсѣмъ незаслуженную славу Ивашева, былъ съ нимъ очень любезенъ. Видя такое постоянное вниманіе Ивашева къ Совренцо, онъ даже почувствовалъ къ нему симпатію.

Этимъ-то и воспользовался Совренцо. Зная, какъ важно для репутаціи Ивашева, чтобы у него пообѣдалъ Мезенцевъ, онъ явился къ А. А. и сказалъ ему:

— Александръ Александровичъ! Вы такъ ко мнѣ всегда милы, добры, такъ много меня одолжали, что я тоже хочу вамъ сдѣлать одну услугу, т. е. сдѣлаю то, что не вы будете ухаживать за полиціей, а она будетъ трепетать передъ вами!

— Ха. ха, ха! Ахъ, вы, всесильный и могучій Петенька! Ха, ха, ха! Что же это вы придумали, говорите!

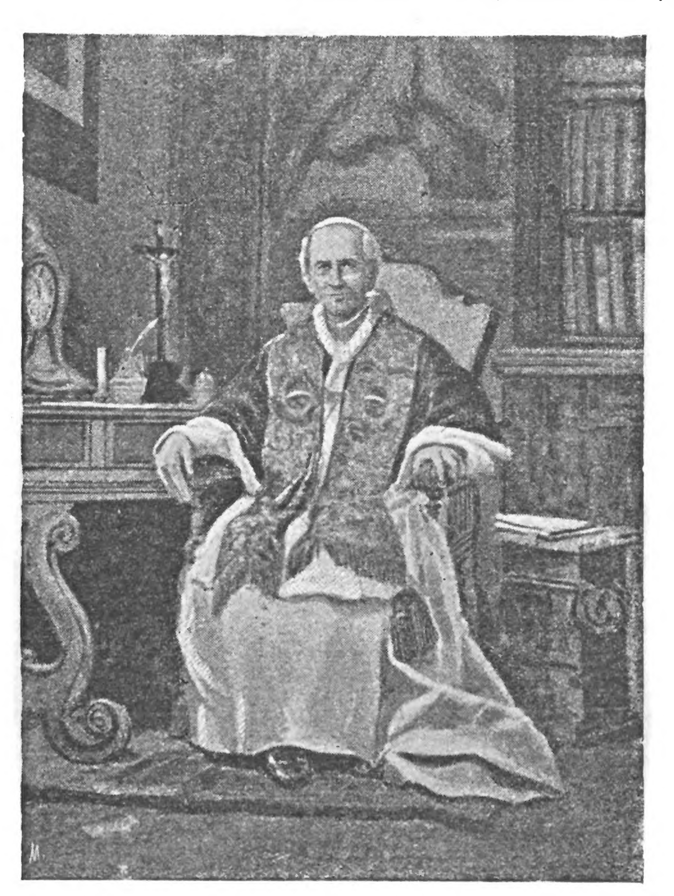
— Вы, пожалуйста, не смѣйтесь!—фыркнувъ носомъ, обидчиво отвѣтилъ Совренцо,—а скажите мнѣ: хотите... чтобы у васъ пообѣдалъ Мезенцевъ?

Проектъ барельефа для памятника Льву XIII, одобренный папой при жизни.

А. А. Ивашевъ даже подпрыгнулъ.

— Ангелъ мой!—закричалъ онъ.—Да

Портретъ папы Льва XIII, сохраняющійся въ Карпинетро, въ домѣ, гдѣ онъ родился.

вы мнѣ такое сдѣлаете одолженіе, что я вѣкъ его вамъ не забуду!

— Хорошо-съ! — сказалъ Совренцо. — Только прошу, чтобы никого у васъ въ тотъ день не было, кромѣ Варгунина и Утина, которыхъ шефъ знаетъ и любитъ. Ну, и я...

— Конечно, моя прелесть! Все, что вы прикажете, то и сдѣлаю! И, пожалуйста, Петръ Петровичъ, если мы будемъ играть въ винтъ по двѣ или по три копѣйки, вы не стѣсняйтесь, я буду платить за васъ и, вообще, я весь къ вашимъ услугамъ!

И вотъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, весь запыхавшись, прибѣгаетъ къ Ивашеву Совренцо и торжественно объявляетъ:

— Въ пятницу, то-есть ровно черезъ три дня, въ 6 часовъ у васъ обѣдаетъ шефъ!

Сдѣлалъ это Совренцо такъ.

Пришелъ онъ по обыкновенію къ Мезенцеву завтракать и, увидя, что нѣтъ Макарова, его соперника, тотчасъ задумалъ привести въ исполненіе обѣщанное Ивашеву и прикинулся грустнымъ.

— Ты что же съ такой постной физіономіей приходишь ко мнѣ? — спросилъ его генералъ. — жена побила?

— Нѣтъ, не жена! А такъ тяжело мнѣ, что просто хоть въ петлю лѣзь!

— Э, братъ! опять денегъ нѣтъ? Ну, извини! Я ничего не дамъ!

— Денегъ мнѣ не нужно, но ты можешь меня выручить!

— Чѣмъ же это?

— Голубчикъ, Николай Владиміровичъ! Осчастливь ты и меня, и другого человѣка. Къ тебѣ пріѣдетъ Ивашевъ просить тебя къ себѣ обѣдать! Прими приглашеніе!

— Да ты съ ума сошелъ! Чтобы я пошелъ обѣдать къ извѣстному игроку, о которомъ говорятъ, что онъ чуть не шулеръ! Да какъ тебѣ не стыдно даже просить меня объ этомъ? Я ничего противъ него не имѣю, охотно съ нимъ встрѣчаюсь у Варгунина, но къ нему поѣхать?!

Мастеръ плакать во всякую минуту, Совренцо, послѣ этихъ словъ, какъ-бы удерживая и глотая слезы, грустно сказалъ:

— Извини! Прощай! Больше я не буду тебя безпокоить! Прощай! — и протянулъ ему руку.

— Постой! — крикнулъ Мезенцевъ. — Экая скотина! Да, вѣдь, ты это дѣлаешь не даромъ! Ну что ты за это получишь? 100 или 200 руб.?

— Нѣтъ! Я получу столько, что навсегда буду обезпеченъ и мою жену успокою!

— Чортъ знаетъ, что такое! Это просто свинство! Ну, смотри, если кто объ этомъ узнаетъ, то я тебя больше не увижу! Убирайся! Скажи ему, что черезъ три дня я могу у него обѣдать; пусть пріѣзжаетъ!

Услыхавъ этотъ разсказъ, Ивашевъ заволновался.

— Что-же мнѣ теперь дѣлать? — спросилъ онъ.

— Ничего не дѣлать! А завтра къ 12-ти часамъ ѣхать къ нему.

— Спасибо вамъ, спасибо! Вы такая прелесть! — радостно сказалъ Ивашевъ. — Но, Петръ Петровичъ, голубчикъ, извините меня! Вы, вѣдь, нуждаетесь? Какая-бы сумма васъ совсѣмъ поправила? Сколько нужно, чтобы вы были покойны, милы и веселы?

— Извините, А. А.! Мнѣ право совѣстно! Мнѣ очень много нужно! Но если вы будете такъ добры, то дайте мнѣ 1,500 руб.

А. А. Ивашевъ, который мысленно ассигновалъ 15—20 тысячъ за эту услугу, весело разсмѣялся.

— Ха, ха, ха! Какъ вамъ не стыдно! Вотъ вамъ 2,000 рублей, а вашей супругѣ я привезу еще конфектъ.

Они расцѣловались, и Совренцо уѣхалъ домой совсѣмъ счастливый.

Въ пятницу у Ивашева былъ не обѣдъ, а пиръ! Въ субботу онъ пріѣхалъ къ Совренцо и привезъ его женѣ громадную бонбоньерку конфектъ съ браслетомъ въ 600 рублей.

Жадная Совренцо страшно обрадовалась подарку и отъ радости стала прыгать, скакать и чуть не провалила полъ; но когда вечеромъ узнала, отчего къ ней такъ внимателенъ Ивашевъ, она въ злости дала нѣсколько пощечинъ мужу, приговаривая:

— Дуракъ, дуракъ и дуракъ!

Съ этихъ поръ Мезенцевъ, оставшійся очень доволенъ пріемомъ у Ивашева, сталъ каждый мѣсяцъ обѣдать у него, что продолжалось вплоть до страшной катастрофы.

3-го августа 1879 года Мезенцевъ обѣдалъ на дачѣ Ивашева. Въ 10 часовъ вечера всѣ сѣли по обыкновенію играть въ винтъ по 1 коп. Ивашевъ страшно ремизился, ремизилъ другихъ, и Мезенцевъ выигралъ 400 руб. Въ часъ ночи онъ сталъ прощаться, собираясь уходить.

— Вы, ваше превосходительство, — почтительно сказалъ ему Ивашевъ, — получаете анонимныя письма, васъ предупреждаютъ объ опасности, а вы о ней и не думаете. Поберегите себя хоть для насъ, васъ любящихъ. Для чего вы, какъ левъ, ходите всегда по одной дорогѣ. Ну, не дай Господи, какое несчастіе!

— Глупости! — смѣясь, отвѣтилъ генералъ. — Волковъ бояться, въ лѣсъ не ходить! Я вотъ и завтра пойду къ часовнѣ, помолюсь, а потомъ зайду къ Мозеру и на весь выигрышъ куплю себѣ часы, да еще какіе!

И онъ ушелъ веселый и безпечный.

На слѣдующій день, 4-го августа, онъ по обыкновенію пошелъ изъ дому пѣшкомъ въ часовню, поставилъ свѣчку, зашелъ къ Мозеру, купилъ за 400 р. часы и, возвращаясь домой, противъ кондитерской Кочкурова, получилъ ударъ кинжаломъ въ животъ. Истекая кровью онъ повторялъ только: „за что?“ — и, привезенный домой, умеръ въ страшныхъ мученіяхъ.

XXI.

На дачѣ же Ивашева я былъ свидѣтелемъ тяжелой исторіи. Послѣ вкуснаго обѣда, на которомъ были: „Его Сіятельство“, Милорошъ, В. А. Гирсъ (впослѣдствіи исправникъ въ Ялтѣ, судимый и сосланный), я и старикъ 67-ми лѣтъ, счастливый игрокъ, разбогатѣвшій, занимаясь дѣлами гр. А., а главное — скупкою его векселей графъ С.

Послѣ обѣда Ивашевъ пошелъ наверхъ спать, а мы всѣ сѣли играть. „Его Сіятельство“ заложилъ въ банкъ сто рублей и, ловко управляя своей лапкой, началъ бить почти каждую карту С. Вдругъ всѣ увидѣли, что С. поблѣднѣлъ и у него затряслись голова и руки.

— Что съ вами? — испугались всѣ. — Вамъ нехорошо? Хотите воды?

— Да, пожалуйста! — хватаясь за сердце, произнесъ онъ.

Тотчасъ человѣкъ подалъ ему воды; онъ начиналъ тяжело дышать и захрипѣлъ. Его положили на диванъ и тотчасъ послали наверхъ къ Ивашеву сказать ему объ этомъ.

Ивашевъ выскочилъ, но ему навстрѣчу уже шелъ Гирсъ.

— Что съ нимъ? — съ испугомъ спросилъ Ивашевъ.

— Умеръ! — хриплымъ голосомъ отвѣтилъ Гирсъ.

Мы стояли блѣдные, испуганные, вокругъ дивана, на которомъ такъ внезапно умеръ старикъ.

Тотчасъ послали дать знать полиціи и за первымъ встрѣчнымъ врачемъ. Пришелъ врачъ, объявилъ объ его смерти и прибавилъ: „такъ какъ я помочь не могу, то ухожу!“ Положеніе Ивашева было ужасно.

Полиція могла оставить покойника у него, у него же анатомировать трупъ, для дознанія держать нѣсколько дней; пойдутъ пересуды, разговоры, домъ станетъ, какъ зачумленнымъ. И все зависитъ отъ доктора! Сколько онъ возьметъ, чтобы констатировать смерть и приказать вывезти его домой.

Пришелъ частный приставъ. Поздоровался съ хозяиномъ, со всѣми, посмотрѣлъ на покойника, вздохнулъ и сѣлъ.

Ивашевъ такъ растерялся, что сидѣлъ молча.

Наконецъ, я прервалъ молчаніе и обратился къ приставу.

— Господинъ полковникъ! Неужели покойникъ остается здѣсь и нельзя его отправить домой?

— Я, господа, здѣсь ни при чемъ! Подождемъ, пріѣдетъ нашъ докторъ. Что онъ скажетъ! Я безъ него ничего не могу.

И цѣлый часъ всѣ сидѣли, какъ пришибленные.

Наконецъ, пріѣхалъ молодой, симпатичный докторъ, и, переваливаясь, весело поздоровался съ приставомъ, съ хозяиномъ и со всѣми и спросилъ:

— Ну, гдѣ онъ?

— А вотъ! — сказалъ я, показывая на диванъ.

— Ахъ, старикъ! — произнесъ докторъ, прикладывая руку къ головѣ. — Сколько ему лѣтъ? Какъ онъ умеръ?

— Играли въ винтъ! — отвѣтилъ я. — Онъ поблѣднѣлъ, закачался, попросилъ воды, началъ пить, вскрикнулъ и умеръ!

— Великолѣпно! Такъ бы всякій желалъ умереть! Я констатирую смерть, и приступимъ къ описи.

— Уфъ!! — глубоко и радостно вздохнулъ Ивашевъ и при уходѣ доктора вручилъ ему 500 рублей.

— Зачѣмъ такъ много? — сказалъ докторъ, весело со всѣми простился и ушелъ.

При описи у покойника оказалось 60 коп. мелочью, пуговицы, 1,000 р. ассигнаціями и на 400 тысячъ рублей квитанцій банковъ, въ числѣ этого на 80 тысячъ векселей графа А. Всѣ ахнули и удивились его богатству.

— Ну, не подлость-ли? — басомъ проговорилъ „Его Сіятельство“ съ неподдѣльнымъ возмущеніемъ: — имѣлъ столько денегъ и игралъ такъ прижимисто. — Будь у меня столько, то не только здѣсь не было бы денегъ, я бы взорвалъ Монте-Карло!!

XXII.

А. А. Ивашевъ былъ игрокъ съ разсчетомъ; нѣтъ словъ, что онъ любилъ, какъ всѣ, выиграть, но что онъ былъ и въ душѣ игрокъ и любилъ игру ради игры, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и въ подтвержденіе этого я могу разсказать не одинъ случай.

Вотъ, напримѣръ, эпизодъ, происшедшій со мною и Бурдинымъ.

Мы оба принадлежали къ числу самыхъ интимныхъ его друзей и проводили у него почти все свое время.

Играли мы у него каждый день отъ 3-хъ до 6-ти часовъ, а затѣмъ отъ 11-ти до 4-хъ часовъ утра.

Съ 11-ти часовъ, когда начинали пріѣзжать гости, А. А. Ивашеву, въ его спальню, докладывалъ человѣкъ, кто пріѣхалъ. Если пріѣзжалъ солидный и денежный человѣкъ, какъ игрокъ интересный, онъ сейчасъ же выходилъ.

И вотъ однажды я и Бурдинъ во время отъ 3-хъ до 6-ти часовъ оба проигрались до копѣйки. Потомъ пообѣдали у него и пошли въ театръ. Окончивъ играть, мы умылись, одѣлись, и вдругъ Бурдинъ говоритъ мнѣ:

— Что мы будемъ дѣлать? Не пойти-ли намъ къ Аничкину мосту?

— Да развѣ у васъ есть что-нибудь? — спрашиваю я у него.

— Нѣтъ! У меня и рубля нѣтъ!

— Ну, и у меня тоже! Съ чѣмъ же намъ играть?

— А Богъ! — говоритъ торжественно Бурдинъ.—Богъ все можетъ и намъ что-нибудь пошлетъ! Почемъ знать?

— Ну, если такъ,—говорю я,—пойдемъ.

Мы отправились. Пришли. Вездѣ темно, въ залѣ никого нѣтъ.

Мы сѣли въ темнотѣ, безъ людей, сидимъ и ждемъ. Каждая четверть часа—звонъ часовъ. Прозвонили—12 съ половиною—никого! 12 и три четверти—никого. Звонятъ часы—часъ! Слышимъ, идетъ хозяинъ въ туфляхъ, въ халатѣ, злой и кричитъ:

— Зажигать огни! Подавать чай!

Пошелъ, несмотря на насъ, подошелъ къ столу, высыпалъ золото, и перетасовалъ карты. Мы тоже подошли къ столу и сѣли. Всѣ молчимъ. Онъ стасовалъ и говоритъ.

— Ну-съ, извольте ставить!

— У меня ничего нѣтъ,—говорю я.

— У меня вы все взяли! — говоритъ Бурдинъ.

Онъ сложилъ по-наполеоновски руки, посмотрѣлъ на насъ и спросилъ строго:

— Зачѣмъ же вы пришли?

— Чай пить!—отвѣтилъ Бурдинъ, принимая отъ человѣка стаканъ чаю.

— Странно! Ну-съ извольте!—и онъ кинулъ намъ по шести золотыхъ и началась игра, игра неистовая.

Проиграетъ Бурдинъ, помогаю ему я, проиграюсь я, помогаетъ Бурдинъ. 4 часа мы бились. Часы пробили пять; мы давно уже и заплатили занятые по 6-ти золотыхъ, и у меня уже 500 рублей. Я зѣвнулъ, сказалъ „довольно!“ и всталъ.

— Какъ довольно?—закричалъ онъ.

— Такъ довольно! Пойдемъ, Федя!—позвалъ я Бурдина.

— Вотъ что! Вотъ вы какъ! Такъ вы пришли безъ гроша, обобрать меня?

— Что-о?—закричалъ я.—Мы? обирать? Довольно, нога моя не будетъ здѣсь!

— Голубчикъ, Костенька!—заговорилъ онъ, складывая руки.—Прости меня! Умоляю, прости меня, и завтра хоть 100 руб. принеси! Да и Федя пусть принесетъ хоть 50 руб.

— Ну, Богъ съ вами!—сказалъ я.—Ей-Богу, завтра принесу 100 рублей и Федя 50 рублей, а за дерзость мы васъ прощаемъ.

И какъ онъ былъ радъ, когда на другой день увидѣлъ у меня 100 рублей, а у Бурдина 50.

———

Таковъ былъ этотъ человѣкъ, котораго честили чуть не шуллеромъ, но который былъ и благороднѣе, и добрѣе многихъ уважаемыхъ и знатныхъ лицъ.

Кончилъ онъ очень печально.

Его обобрали настоящие шуллера почти до-чиста; онъ уѣхалъ со своей барыней за границу и умеръ на ея рукахъ, какъ нищій, никому ничего послѣ себя не оставя, кромѣ памяти, какъ о добромъ, хорошемъ и сердечномъ человѣкѣ.

Послѣднія минуты императора Максимиліана.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ умеръ въ Мексикѣ бывшій прусскій офицеръ Botho von-Glümer, который эмигрировалъ въ Америку и поступилъ на службу въ мексиканскую артиллерію. Въ бумагахъ его найдено описаніе казни несчастнаго императора Максимиліана. Von-Glümer былъ не только свидѣтелемъ этой казни, но даже въ роковой день командовалъ второй ротой артиллерійскаго полка. Поздно вечеромъ, 15-го іюня, весь гарнизонъ въ Кваретаро получилъ приказаніе быть на слѣдующій день въ полномъ вооруженіи. „Когда же мы на слѣдующій день, — пишетъ нѣмецъ,—выстроились, то неожиданно пришелъ приказъ вернуться обратно въ казармы. Сначала никто изъ насъ не зналъ, что это значитъ; потомъ только мы узнали, что прусскій министръ-резидентъ баронъ Магнусъ выхлопоталъ у президента Юореза разрѣшеніе отложить исполненіе приговора на три дня, дабы дать возможность императору урегулировать свои частныя дѣла. Вотъ наступило утро рокового дня 19-го іюня. Опять всѣ мы вышли изъ казармъ и въ пять часовъ уже были на „Cerro de la Campana“. Войско было построено слѣдующимъ образомъ: сзади пѣхота и конница, впереди артиллерія—цѣлый гарнизонъ въ 4—5,000 человѣкъ подъ предводительствомъ начальника главнаго штаба. Осужденные прибыли въ 3 каретахъ подъ эскортомъ конницы. Императоръ былъ блѣденъ, разбитъ физически и нравственно. Выходя изъ кареты, онъ оступился, одинъ изъ двухъ сопровождавшихъ князей поддержалъ его. Генералы Мирамонъ и Мея были въ штатскомъ; императоръ и Мирамонъ шли съ обнаженными головами. Ихъ привели на площадь, гдѣ еще разъ былъ прочитанъ приговоръ. Затѣмъ выступилъ впередъ взводъ экзекуторовъ, состоявшій изъ восьми солдатъ и одного сержанта подъ предводительствомъ офицера. Максимиліанъ долженъ былъ идти посрединѣ, но уступилъ это „почетное“ мѣсто генералу Мирамону, самъ же онъ всталъ по лѣвую его руку. Я видѣлъ, какъ они на прощаніе пожали другъ другу руку. Императоръ промолвилъ нѣсколько словъ; онъ сказалъ, что умираетъ за доброе дѣло, за свободу и независимость родного края. Свою рѣчь онъ закончилъ громкимъ „Viva Mejico!“. Мирамонъ, въ свою очередь, сказалъ нѣсколько словъ. Затѣмъ наступила гробовая тишина. Офицеръ, командующій взводомъ, поднялъ вверхъ саблю—въ тотъ же моментъ грянули залпы. Останки императора Максимиліана были перевезены въ монастырь капуциновъ, гдѣ и были набальзамированы докторами. Въ ту же ночь одинъ изъ моихъ знакомыхъ свелъ меня въ часовню монастыря, гдѣ императоръ въ окровавленномъ платьѣ лежалъ въ простомъ гробу. Никогда въ жизни не забуду выраженія этого мертваго лица.

Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль я видѣлъ его во снѣ каждую ночь“.

Герцогъ или мебельный торговецъ?

Весь Лондонъ ломаетъ себѣ въ настоящее время голову надъ загадочнымъ случаемъ съ герцогомъ Портландскимъ. Эта исторія можетъ служить великолѣпнымъ сюжетомъ для сенсаціоннаго, фантастическаго романа Коннанъ-Дойля.

Умирая, старый герцогъ Портландскій оставилъ все свое состояніе своему сыну. Но явился претендентъ на это наслѣдство, нѣкій Томасъ Друсъ, родомъ австріецъ, владѣющій мебельной лавкой въ Бакеръ-Стритѣ. Мистеръ Друсъ утверждаетъ, что онъ не кто иной, какъ двойникъ, второе *я* умершаго герцога.

Мистеръ Друсъ во всякомъ случаѣ очень странный господинъ. По его дѣлу ему приходится постоянно сталкиваться съ самыми знатными лицами города, но онъ потерялъ многихъ кліентовъ, такъ какъ постоянно отказывался вступать въ личные переговоры, или же требовалъ, чтобы эти переговоры велись въ абсолютной темнотѣ. Онъ никогда не входитъ въ свою лавку черезъ дверь, а черезъ подземный лабиринтъ, ключъ къ которому имѣется только у него одного. Его рабочій кабинетъ остается цѣлый день закрытымъ, и по вечерамъ хозяинъ его исчезаетъ такъ же таинственно, какъ приходитъ. По улицамъ мистеръ Друсъ ѣздитъ всегда въ закрытой каретѣ и кучеръ никому не смѣетъ говорить, откуда и куда онъ ѣхалъ.

У герцога Портландскаго были привычки удивительно странныя и имѣвшія огромное сходство съ привычками мебельнаго торговца. Онъ также ѣздилъ всегда въ закрытой каретѣ и кучеръ его также былъ обязанъ молчать. Каждый день утромъ онъ ѣздилъ изъ своего имѣнья Вельбекъ-Кестль на маленькую станцію, откуда направлялся дальше въ Лондонъ; каждый вечеръ возвращался онъ такъ же таинственно.

Цѣлую ночь карета съ завѣшанными окнами должна была стоять у подъѣзда, и кучеръ, никогда не видѣвшій, какъ герцогъ садился или выходилъ изъ экипажа, долженъ былъ выѣзжать въ опредѣленное время, не заботясь о томъ, занята карета или нѣтъ.

Однажды кучеръ получилъ черезъ домоуправляющаго приказъ сдать экипажъ въ багажъ и доставить въ Лондонъ. Передъ лондонскимъ вокзаломъ уже стояла пара лошадей; кучеръ долженъ былъ впречь ихъ и ѣхать въ городской дворецъ герцога. Дорогою кучеру вздумалось остановиться передъ кабачкомъ, чтобы пропустить рюмку-другую, но каковъ былъ его ужасъ, когда изъ кареты раздался повелительный голосъ герцога, приказывавшій ему ѣхать дальше. Очевидно, герцогъ все время сидѣлъ въ каретѣ и пріѣхалъ въ товарномъ вагонѣ.

Подъ замкомъ Вельбекъ тоже былъ подземный ходъ и лабиринтъ, въ которомъ герцогъ проводилъ большую часть дня и ночи. Онъ приглашалъ много гостей, но, оставаясь по цѣлымъ недѣлямъ, они не видѣли ни разу хозяина, запершагося въ своихъ погребахъ. Его работники не смѣли ему кланяться, а должны были дѣлать видъ, что его не замѣчаютъ, подъ страхомъ лишиться мѣста. Съ сельскимъ священникомъ и мѣстнымъ врачемъ онъ не разговаривалъ никогда, съ нотаріусомъ бесѣдовалъ только въ темной комнатѣ. Осталось неизвѣстнымъ, зналъ-ли герцогъ, что у него есть двойникъ мебельный торговецъ или, можетъ быть, не желалъ, чтобы кто-нибудь зналъ это. Мебельный торговецъ утверждаетъ, что онъ истинный герцогъ и что похоронили трупъ самозванца. Судъ опредѣлилъ вырыть похороненнаго и возстановить истину, но молодой герцогъ изъ религіозныхъ причинъ не желаетъ тревожить прахъ отца. Адвокатамъ теперь раздолье.

Наполеонъ I и раввинъ-предсказатель въ Румыніи.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала „Anuar Pentru Israeliti“, издаваемаго докторомъ М. Шварцфельдомъ въ Бухарестѣ (ап. XVIII), напечатано интересное преданіе, живущее среди румынскихъ евреевъ, о встрѣчѣ Наполеона Бонапарта съ раввиномъ-чудотворцемъ (Güter jüd).

„Когда Наполенъ рѣшилъ уже завоевать Россію, то передъ самымъ походомъ услыхалъ, что въ Молдавіи живетъ благочестивый раввинъ, который прекрасно предсказываетъ будущее. Когда къ нему привели раввина, онъ спросилъ его:

— Какимъ исходомъ увѣнчается задуманная мною война?

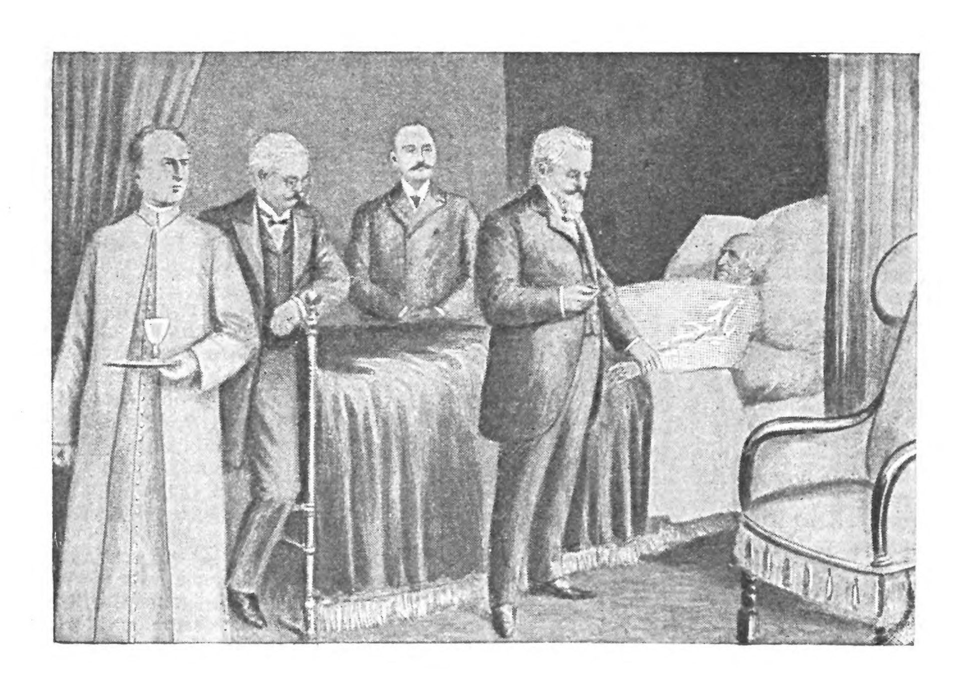
Еврей ничего не отвѣчалъ, потому что предвидѣлъ дурной исходъ этой войны, и Наполеонъ долженъ былъ поклясться, что не сдѣлаетъ раввину ничего дурного, если тотъ предскажетъ ему несчастье.

— Ты не будешь имѣть никакого успѣха въ Россіи,—сказалъ раввинъ.

Наполеонъ разгнѣвался и закричалъ:

— Я пришелъ къ тебѣ для того, чтобы ты ободрилъ меня, а ты предсказываешь мнѣ несчастье! Смотри же, въ случаѣ побѣды отъ тебя ничего не останется..

Раввинъ не испугался этой угрозы, хотя и зналъ, что Наполеонъ увѣренъ въ своей непобѣдимости. Онъ сказалъ, что докажетъ Наполеону справедливость своего предсказанія, и велѣлъ привести первую попавшуюся лошадь, разрѣзать ей животъ и вынуть сердце.

Послѣднія минуты папы Льва XIII. — Профессоръ Маццони слѣдитъ за пульсомъ; тутъ-же докторъ Лаппони, докторъ Россони и любимѣйшій камердинеръ папы Піо-Чентра.

Великій пенитенціарій, читающій отходную у постели умирающаго папы.

На сердцѣ лошади было написано слово: „неудача“.

Тѣмъ не менѣе Наполеонъ не внялъ предсказанію благочестиваго раввина, и пораженіе въ Россіи было началомъ его паденія“.

Это преданіе очень распространено въ Румыніи, и старикъ Берлъ Батленъ, разсказавшій его Шварцфельду, увѣрялъ слушателей, что правдоподобность его разсказа несомнѣнна.

Принятіе папой Св. Таинъ.

Съ рисунка А. Микарди.

Папское войско.

Нѣкогда многочисленное папское войско въ настоящее время состоитъ всего изъ 600 человѣкъ, составляющихъ 4 „корпуса“: лейбъ-гвардіи, дворцовой гвардіи, жандармовъ и швейцарцевъ. Первая, учрежденная въ 1801 году папой Піемъ VII, считается почетной гвардіей. Она состоитъ всего изъ 50 человѣкъ, которые вербуются изъ среды такъ называемой „черной“ римской аристократіи; всѣ въ офицерскомъ чинѣ не ниже капитана; высшее начальство этого корпуса состоитъ изъ двухъ генераловъ: генералъ-адъютанта и генералъ-майора. Младшіе офицера получаютъ отъ 300 до 400 лиръ мѣсячнаго жалованья, старшіе — соотвѣтственно больше. Но помимо жалованья лейбъ-гвардейцы имѣютъ много постороннихъ доходовъ, такъ какъ они обыкновенно сопровождаютъ знатныхъ представителей римской куріи въ путешествіяхъ, доставляютъ красныя мантіи отъ имени папы вновь назначеннымъ кардиналамъ и т. п. Они же участвуютъ въ разныхъ торжественныхъ процессіяхъ. Этимъ и ограничивается ихъ роль; за сто лѣтъ своего существованія папская лейбъ-гвардія, конечно, ни разу не была на полѣ битвы. Папа Пій IX, въ мо-

Папское войско. — Группа швейцарцевъ въ національныхъ костюмахъ.

Папское войско.

1. Офицеръ лейбъ-гвардіи. 2) Офицеры и прелатъ швейцарской гвардіи. 3) Жезлоносецъ. 4) Горнистъ лейбъ-гвардіи. 5) Жандармъ въ служебной формѣ. 6) Жандармъ въ парадной формѣ. 7) Швейцарцы въ служебной формѣ. 8) Швейцарецъ въ парадной формѣ. 9) Дворцовая стража въ парадной формѣ.

лодости самъ пламенно желалъ одѣть роскошную форму лейбъ-гвардейцевъ; но онъ оказался слишкомъ слабаго здоровья и вынужденъ былъ посвятить себя духовной дѣятельности; конечно, онъ въ то время не смѣлъ и мечтать о папскомъ престолѣ.

Лейбъ-гвардейцы, составляя почетную стражу папы, сопровождають его во всѣхъ путешествіяхъ и прогулкахъ, которыя съ 1870 года не выходятъ за предѣлы ватиканскихъ садовъ. Когда папа умираетъ, начальство надъ ними, какъ и надъ другими папскими войсками, переходитъ до избранія новаго папы къ кардиналу-кемерленгу. Во время конклава около дверей кельи каждаго кардинала стоитъ на стражѣ лейбъ-гвардеецъ. По существующему обычаю, новый папа исполняетъ всякое желаніе лейбъ-гвардейца, стоявшаго на часахъ у его кельи, высказанное ему въ моментъ выхода изъ нея.

Дворцовая стража вербуется изъ римскихъ гражданъ и созывается въ Ватиканъ только въ высокоторжественные дни, когда притокъ пилигриммовъ особенно усиливается. Въ обычное же время солдаты пользуются неопредѣленнымъ отпускомъ и занимаются каждый своимъ дѣломъ: только командиръ и нѣсколько офицеровъ корпуса постоянно находятся въ Ватиканѣ. Дворцовые гвардейцы не получаютъ жалованья. Имъ выдается полная обмундировка и вознагражденіе только за убытки, связанные съ вызовомъ ихъ въ Ватиканъ. Они имѣютъ свой оркестръ музыки, который часто играетъ въ садахъ папы.

Поддержаніе порядка и охраны дворца ввѣрено состоящему изъ 120 человѣкъ корпусу жандармовъ, которыхъ можно встрѣтить на каждомъ шагу въ Ватиканѣ: они хорошо вооружены, держатся нѣсколько высокомѣрно и стараются занять при Ватиканѣ такое же положеніе, какъ корпусъ лейбъ-гвардіи, почему оба корпуса часто враждуютъ между собою.

Совершенно исключительное положеніе занимаютъ швейцарцы. Они вербуются въ католическихъ кантонахъ Швейцаріи и охраняютъ всѣ входы въ Ватиканъ, а такъ же самого папу во время его выходовъ. Швейцарцы пользуются особымъ довѣріемъ папъ благодаря характеризующей ихъ традиціонной вѣрности своимъ повелителямъ. Получаютъ они жалованье, смотря по чину, отъ 60 до 120 лиръ въ мѣсяцъ. Пополненіе рядовъ швейцарцевъ въ послѣднее время встрѣчаетъ большія затрудненія, такъ какъ швейцарское правительство считаетъ такую службу своихъ сыновъ унизительной для національнаго самолюбія швейцарцевъ.

Папское войско организовано по военному образцу, обучается военному искусству, имѣетъ свой корпусъ офицеровъ, свои военныя традиціи. Оно въ торжественные дни приноситъ свои вѣрноподданническія поздравленія папѣ и при каждомъ удобномъ случаѣ высказываетъ готовность лечь костьми за своего повелителя, но наврядъ-ли ему когда-нибудь придется стяжать лавры побѣдъ на полѣ битвы.

Психологія милліардеровъ.

Очеркъ

Цезаря Ломброзо.

VI. Инстанція—большой глазомѣръ.

Все вышесказанное объясняетъ дальнѣйшій даръ,—рано созрѣвшій ясный вѣрный глазомѣръ на избранный путь и энергичное слѣдованіе по немъ. Такъ, Карнеджи предвидѣлъ большой прогрессъ изобрѣтенія спальныхъ вагоновъ и впослѣдствіи также понялъ быстро превосходство желѣзныхъ мостовъ надъ деревянными. Асторъ за много лѣтъ предвидѣлъ колоссальный ростъ Нью-Іорка и скупилъ земли, которыя онъ затѣмъ продалъ съ огромнымъ барышемъ. Фипсъ понялъ, какія сокровища погребены на днѣ моря въ потонувшихъ корабляхъ; Гордонъ Беннетъ предвидѣлъ, что немногія современныя ему газеты своими скудными свѣдѣніями не соотвѣтствуютъ требованіямъ настоящаго времени, и основалъ „New-Iork Herald“ съ корреспонденціями всего земного шара (онъ уплатилъ за одно сообщеніе о нахожденіи Ливингстона 50,000 фр.). Вандербильдтъ моментально понялъ пользу изобрѣтенія Фультона и обратилъ свои парусныя суда въ пароходы, принесшіе ему его милліоны.

VII. Личность.

Къ другимъ качествамъ милліардеровъ присоединяется ненасытная жадность барыша, которая въ первые годы обусловливается нуждой, а впослѣдствіи обращается въ привычку и вытекаетъ уже изъ жажды сильныхъ ощущеній, какъ у привычнаго игрока. Такъ, Асторъ, когда его спросили, зачѣмъ онъ, при его огромныхъ богатствахъ, стремится пріобрѣтать еще новыя, отвѣчалъ: не ради барыша, а ради полученія извѣстій о новыхъ успѣшныхъ предпріятіяхъ.

VIII. Относительная честность.

Объясненіе накопленія колоссальныхъ богатствъ лежитъ не только въ ловкости совершенія спекуляцій, но также и въ добросовѣстномъ исполненіи послѣднихъ, когда упорно идутъ къ цѣли безпощадно, попирая все человѣческое.

Такъ, Гавемейеръ съ маленькой суммой, данной ему банкиромъ, основалъ „трестъ“, который далъ ему возможность продать сахаръ на 20% дешевле, чѣмъ могла сдѣлать это „N. Refinind Company“. Акціи компаніи сильно упали. Тогда трестъ поднялъ цѣны снова, а покупатели вернулись снова къ „N. Refinind Company“, которая повысила свои цѣны только на нѣсколько центовъ; Гавемейеръ между тѣмъ скупилъ подъ рукой на 360,000 долларовъ акцій компаніи, которыя уже на слѣдующій день стоили 700,000 долларовъ.

Жираръ отличался такой презрѣнной скупостью и такъ мучилъ свою жену, что она отъ этого, наконецъ, умерла. Найтъ началъ свою побѣдную карьеру съ кредитомъ въ семьсотъ тысячъ франковъ, предоставленныхъ ему однимъ банкиромъ; вскорѣ послѣ этого онъ основалъ новое общество, которое довело до банкротства его благодѣтеля.

Когда Асторъ, Карнеджи и Рокфеллеръ говорятъ, что честность есть необходимое условіе успѣха милліардера, то подъ этимъ нужно подозрѣвать только относительную честность, честность sui generis, которая охраняетъ ихъ отъ всѣхъ юношескихъ соблазновъ, предписываетъ имъ пунктуально возвращать всѣ маленькія одолженія, отчего упрочивается ихъ кредитъ у осторожныхъ банкировъ, но не ту честность, которая ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ вредить другому. Наоборотъ, эти люди ловко обходятъ законы, пользуются несчастіемъ и слабостями другихъ въ своихъ интересахъ.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что милліардеры ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ ничѣмъ не отличаются отъ общаго уровня людей.

IX. Этикетъ.

Что милліардеровъ отличаетъ отъ остальнаго человѣчества, это то, что на придворномъ языкѣ называется „этикетомъ“. Едва только они достигнутъ вершины богатства, то уже не думаютъ о томъ, какъ бы употребить свое могущество на благо человѣчества и науки, но сейчасъ же окружаютъ себя особой атмосферой, ни на волосъ не отличающейся отъ королевскихъ дворовъ. Многіе изъ нихъ начинаютъ съ того, что придумываютъ себѣ фантастическую генеалогію, которая должна доказать, что они происходятъ изъ древней, аристократической фамиліи и, по возможности, даже княжеской крови. Тино разсказываетъ въ „Revue des Revues“ 1897 года, что въ Америкѣ есть три фирмы—Вермонъ, Гюгъ и Браунингъ и еще одинъ книготорговецъ Мэпсай, который исключительно занимается составленіемъ такихъ фиктивныхъ генеалогическихъ таблицъ.

Нѣкоторые милліардеры очень довольны, когда на нихъ указываютъ, какъ на потомковъ первыхъ піонеровъ, вступившихъ на американскую почву. Для фамиліи Асторъ фирма Браунингъ составила такую геральдику, по которой они, по меньшей мѣрѣ, происходятъ отъ Генриха IV. Генеалогическое древо другихъ беретъ свое начало со временъ нормандскихъ завоевателей.

Разумѣется, многіе милліардеры съ такими аристократическими идеями соединяютъ также и княжескую роскошь. Въ то время, какъ первые милліардеры вели патріархальный образъ жизни, разъ въ годъ давали какой-нибудь праздникъ въ большомъ отелѣ, на который приглашали своихъ родственниковъ, нынѣшніе милліардеры ведутъ знакомство только съ равными себѣ, пренебрегая старыми друзьями и родственниками. Они строютъ себѣ дворцы и даютъ праздники съ пышностью, превосходящею роскошь многихъ европейскихъ дворовъ. До чего доходитъ ихъ безумная роскошь, можно судить по тому, что одна изъ Вандербильдтъ носитъ бриллiантовое ожерелье въ 6 0,000 рублей, а на шляпѣ такое страусовое перо, котораго добивалась и не могла получить одна королева.

Нѣкоторые изъ нихъ учреждаютъ маіораты, какъ, напримѣръ, Вандербильдты и Гульдъ. Сыновьямъ своимъ они не позволяютъ жениться иначе, какъ на дочеряхъ княжескихъ фамилій, если нѣтъ подходящихъ невѣстъ въ семьяхъ самихъ милліардеровъ.

Своихъ сыновей они воспитываютъ въ собственныхъ дворцахъ, дабы они не могли придти въ соприкосновеніе съ дѣтьми обыкновенныхъ смертныхъ. Для своихъ дочерей берутъ воспитательницъ и гувернантокъ изъ аристократическихъ англійскихъ семей, которыя должны пріучать ихъ къ придворному этикету и окружить ихъ съ самаго рожденія придворнымъ штатомъ.

Уитней купилъ своему сыну колыбель въ 40,000 франковъ; уходъ за сыномъ былъ порученъ тремъ знатнымъ нянькамъ. Четыре раза въ день приходили четыре врача и изслѣдовали этого необыкновеннаго потомка древняго рода, затѣмъ составляли и подписывали бюллетень и затѣмъ бюллетень этотъ телефонировали всѣмъ родственникамъ.

Маленькій Асторъ, въ распоряженіи котораго съ дѣтства находилось: два повара, шесть конюховъ, два камердинера и одна гувернантка, на обязанности которыхъ лежало заботиться, чтобы онъ не смѣлъ ни съ кѣмъ говорить, посѣщалъ своего отца и своего дядю съ большой помпой два раза въ мѣсяцъ.

Все это понятно, ибо, когда достигаютъ вершины богатства, выдѣляющей ихъ отъ другихъ людей, то имъ хотятъ наслаждиться или, по крайней мѣрѣ, предаться мечтѣ, что имъ наслаждаются, и окружаютъ себя высокой перегородкой отъ остального человѣчества, главнымъ образомъ для того, чтобы оградить себя отъ просителей, желающихъ попользоваться

малой лептой изъ огромнаго богатства. А больше всего, разумѣется, изъ огромнаго эгоизма, такъ какъ эти люди обыкновенно находятся въ такомъ возрастѣ, когда уже не придаютъ особой цѣны наслажденіямъ и имъ не остается никакого другого средства использовать свои богатства, какъ внушать зависть и почтеніе другимъ своею безумною роскошью. И такъ какъ, за малыми исключеніями, милліардеры отличаются очень ограниченнымъ образованіемъ, то они даже не въ состояніи сдѣлать изъ своего богатства какое-нибудь счастливое употребленіе для людей, даже еслибы они этого и хотѣли.

Рокфеллеръ сказалъ однажды на одномъ собраніи анабаптистовъ: „умѣнье добывать деньги считается величайшимъ успѣхомъ, я же считаю бѣднѣйшимъ человѣкомъ того, кто ничего не имѣетъ, кромѣ денегъ". Еслибы я могъ начать свою судьбу сызнова, я бы предпочелъ другую цѣль жизни обладанію милліардами.

Правда, нѣкоторые между ними пожертвовали милліоны на университеты и воспитательныя учрежденія, какъ, напримѣръ: Клэркъ, Карнеджи, Яль, Говардъ, Легикъ, Жираръ, но, во-первыхъ, такихъ немного, а, во-вторыхъ, ихъ благодѣянія были скорѣе вызваны нападками демократической прессы. Затѣмъ царственное меценатство вошло въ моду, какъ это было въ модѣ въ Европѣ въ XII и XIII вѣкахъ относительно литературы или искусства. Меценатство тоже входитъ въ программу царственнаго этикета милліардеровъ.

Только немногіе, какъ Клэркъ, Карнеджи, Юнгъ, чувствовали потребность въ новой дѣятельности этого рода, обратившейся въ ихъ вторую натуру. Они уже были пресыщены золотомъ. Юнгъ и Карнеджи жертвовали свои сокровища не только для духовнаго развитія народа,—они создали себѣ изъ этого нѣчто вродѣ апостольской миссіи.

Въ этомъ случаѣ можно примѣнить библейское пророчество о Содомѣ и Гоморрѣ и сказать: „Если въ мірѣ найдется только десять милліардеровъ, которые будутъ походить на этихъ двухъ, то въ человѣческомъ прогрессѣ произойдетъ огромный переворотъ".

Пища, темпераментъ и характеръ.

Одинъ англійскій ученый изслѣдовалъ дѣйствіе, оказываемое различными родами пищи на характеръ и темпераментъ человѣка. Такъ, напримѣръ, если кто-нибудь въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ будетъ питаться исключительно говядиной, то онъ станетъ энергичнымъ и мужественнымъ. Человѣкъ, питающійся исключительно свининой, становится пессимистомъ и впадаетъ въ меланхолію. Люди, питающіеся одной бараниной, чувствуютъ себя смертельно несчастными. Такіе же нежелательные результаты получаются отъ исключительнаго питанія телятиной. Мускулы любителя этого нѣжнаго мяса дѣлаются вялыми и дряблыми; энергія теряется, мужество таетъ. Можно часто наблюдать, что мужья, находящіеся подъ башмакомъ, большіе почитатели вареной телятины. Неудивительно поэтому, что въ критическій моментъ у нихъ обыкновенно не хватаетъ мужества показать себя въ домѣ хозяиномъ. Частое употребленіе молока и яицъ рекомендуется англійскимъ ученымъ всѣмъ молодымъ дамамъ, желающимъ сочетать нѣжную женственность съ сильнымъ предпріимчивымъ духомъ. Неподмѣшанное коровье молоко всегда производитъ хорошее дѣйствіе на характеръ людей. Есть люди, которые съ наслажденіемъ уничтожаютъ масло въ огромномъ количествѣ; это въ большинствѣ случаевъ необычайно флегматическія натуры, ненавидящія всякое физическое движеніе и, въ концѣ концовъ, впадающія въ апатію, изъ которой ихъ уже ничто не можетъ вырвать. Если желательно одновременно укрѣпить свой умъ и свои мускулы, то ежедневно нужно употреблять въ пищу яйца, безразлично въ какомъ видѣ. Для лицъ, занимающихся умственнымъ трудомъ, самое лучшее—ѣсть яблоки (Шиллеръ страстно любилъ яблоки). Чтобы обострить память и сохранить ее до глубокой старости, нѣтъ лучшаго средства, какъ крѣпкая горчица, которую нужно употреблять съ каждымъ блюдомъ. Исключительно рыбная пища сдѣлаетъ изъ самаго общительнаго, изъ самаго остроумнаго собесѣдника угрюмаго и молчаливаго брюзгу. Картофель въ большомъ количествѣ производитъ безграничное чувство скуки, вмѣстѣ съ физическимъ и духовнымъ отяжелѣніемъ. Впрочемъ, это же самое относится ко всякой пищѣ, состоящей исключительно изъ овощей. Только въ связи съ мяснымъ питаніемъ и при частой перемѣнѣ, они дѣйствуютъ на характеръ, умъ и тѣло выгодно. Только вліяніе сырыхъ и вареныхъ плодовъ дѣйствуетъ постоянно хорошо.

Правъ-ли англійскій ученый? Чтобы узнать, надо испробовать.

Сновидѣніе короля Александра.

Сербская газета „Стампа" напечатала разсказъ одного лица, бывшаго незадолго до катастрофы въ конакѣ:

„Весь день, предшествовавшій ужасной ночи, король Александръ былъ въ мрачномъ, угнетенномъ настроеніи духа, страшно нервенъ и разсѣянъ, ни на что не обращалъ вниманія. За обѣдомъ Драга замѣтила это настроеніе короля и попыталась втянуть его въ разговоръ. Онъ отвѣчалъ односложно. Тогда Драга спросила его, что служитъ причиной его ипохондріи. Александръ признался, что онъ видѣлъ ночью скверный сонъ, который его преслѣдуетъ весь день. На настойчивые вопросы Драги онъ сказалъ: „Я видѣлъ, что ко мнѣ подошелъ отецъ, печально на меня взглянулъ, снялъ фуражку у меня съ головы отцѣпилъ саблю и молча удалился". Драга, улыбнулась и сказала, что стыдно придавать значеніе снамъ".

Романъ маленькой дѣвочки.

Лондонскія газеты печатаютъ портретъ хорошенькой девятилѣтней дѣвочки изъ Манчестера, по имени Дженни Ловсъ; судьба этого ребенка поистинѣ сказочная. Пять лѣтъ тому назадъ, когда Дженни была совсѣмъ маленькой, ея родители, бѣдные рабочіе, переѣхали въ одинъ домикъ, расположенный вблизи фабрики богатаго Джона Порта. Владѣлецъ фабрики былъ 70-лѣтній старикъ, бездѣтный вдовецъ и считался жестокосерднымъ, скупымъ и сварливымъ мизантропомъ. Только маленькая Дженни не боялась его, она ждала передъ домомъ, когда проходилъ мистеръ Портъ, подавала ему руку, провожала его на фабрику и весело болтала съ нимъ, пока онъ ее не отсылалъ. Старый скряга никогда ничего не дарилъ ребенку, вѣроятно, чтобы испытать ея дружбу. Но онъ самъ называлъ ее „своимъ солнечнымъ лучемъ" и замѣтно смягчался подъ ея вліяніемъ. Этотъ человѣкъ, пробившій себѣ дорогу и сдѣлавшійся изъ подмастерья владѣльцемъ фабрики, мало испыталъ въ жизни радости. Въ моментъ дружбы съ Дженни у него были богатѣйшія сталелитейныя фабрики подъ Манчестеромъ. Когда онъ нѣсколько дней тому назадъ умеръ, и вскрыли его завѣщаніе, то оказалось, что все свое состояніе,—1.500,000 руб. вмѣстѣ съ домомъ и садомъ онъ оставляетъ своей пріятельницѣ, Дженни, и проситъ только, чтобы она приняла его фамилію. Начиная съ 1904 г., Дженни будетъ получать ежегодно по 4,000 руб. до совершеннолѣтія; наростающіе же проценты будутъ присоединены къ капиталу. Капиталъ этотъ къ ея совершеннолѣтію возростетъ до 2.000,000 р. По желанію матери, до того времени Дженни не будетъ знать о суммѣ своего наслѣдства.

Конкурсъ мужской красоты въ Вѣнѣ.

(Первый конкурсъ, устроенный атлетическимъ клубомъ).

Вѣнскій атлетическій клубъ недавно устроилъ конкурсъ мужской красоты. Предстояла задача нелегкая. Древніе скульпторы оставили намъ идеалъ мужской красоты, и можно было быть увѣреннымъ, что призъ получатъ тѣ мужчины, которые приближаются къ этому идеалу. Кому отдать предпочтеніе--Геркулесу, Дискоболу или Антиною? Нѣкоторые греческіе пластики полагали высшую красоту въ соединеніи мужской силы съ женственной нѣжностью.

Жюри заявило, что первый призъ будетъ даваться за красоту исключительно, второй за гармоническое цѣлое и третій за силу. Но всѣ эти прекрасныя дѣленія остались только въ теоріи. Изъ 75 мужскихъ фигуръ всѣ были только атлеты, о такъ называемой чистой красотѣ нечего было и думать. Если считать красотою только мускульное развитіе, то атлетъ Гакеншмиттъ долженъ выйти побѣдителемъ не только въ атлетической борьбѣ, но и на конкурсѣ красоты.

Образцомъ мужской физической красоты, несмотря на колоссальное мускульное развитіе, считается проживающій въ Лондонѣ кенигсбергскій атлетъ Эженъ Сандо и вѣнецъ Кириллъ Ветаза, но ихъ на конкурсѣ не было. Отсутствовалъ атлетъ Акса, служившій моделью для Бегасовскаго Зигфрида. Тѣмъ не менѣе многія изъ мужскихъ фигуръ, бывшихъ на вѣнскомъ конкурсѣ, могли бы привести въ восхищеніе скульпторовъ.

Пріемыши у животныхъ.

Усыновленіе чужихъ дѣтей—одна изъ формъ любви къ ближнему, дѣлающая большую честь человѣчеству; но этотъ обычай мы встрѣчаемъ и въ животномъ мірѣ: животныя усыновляютъ дѣтенышей не только изъ чужой семьи, но даже другой породы.

„Nature" приводитъ удивительные примѣры такого усыновленія. Въ Берлинѣ недавно одна дворовая собака притащила въ комнату яйцо, изъ котораго готовился вылупиться цыпленокъ, положила его на диванъ и принялась слизывать скорлупу, чтобы помочь цыпленку высвободиться изъ своей тюрьмы; затѣмъ языкомъ же помогла новорожденному выйти на свѣтъ Божій и, обмочивъ языкъ въ водѣ, дала ему напиться, потомъ снесла на солнце, чтобы дать ему возможность обсушиться. Съ этой минуты собака сдѣлалась пріемной матерью цыпленка и пеклась о немъ съ такой любовью и заботливостью, какая сдѣлала бы честь любой нянькѣ.

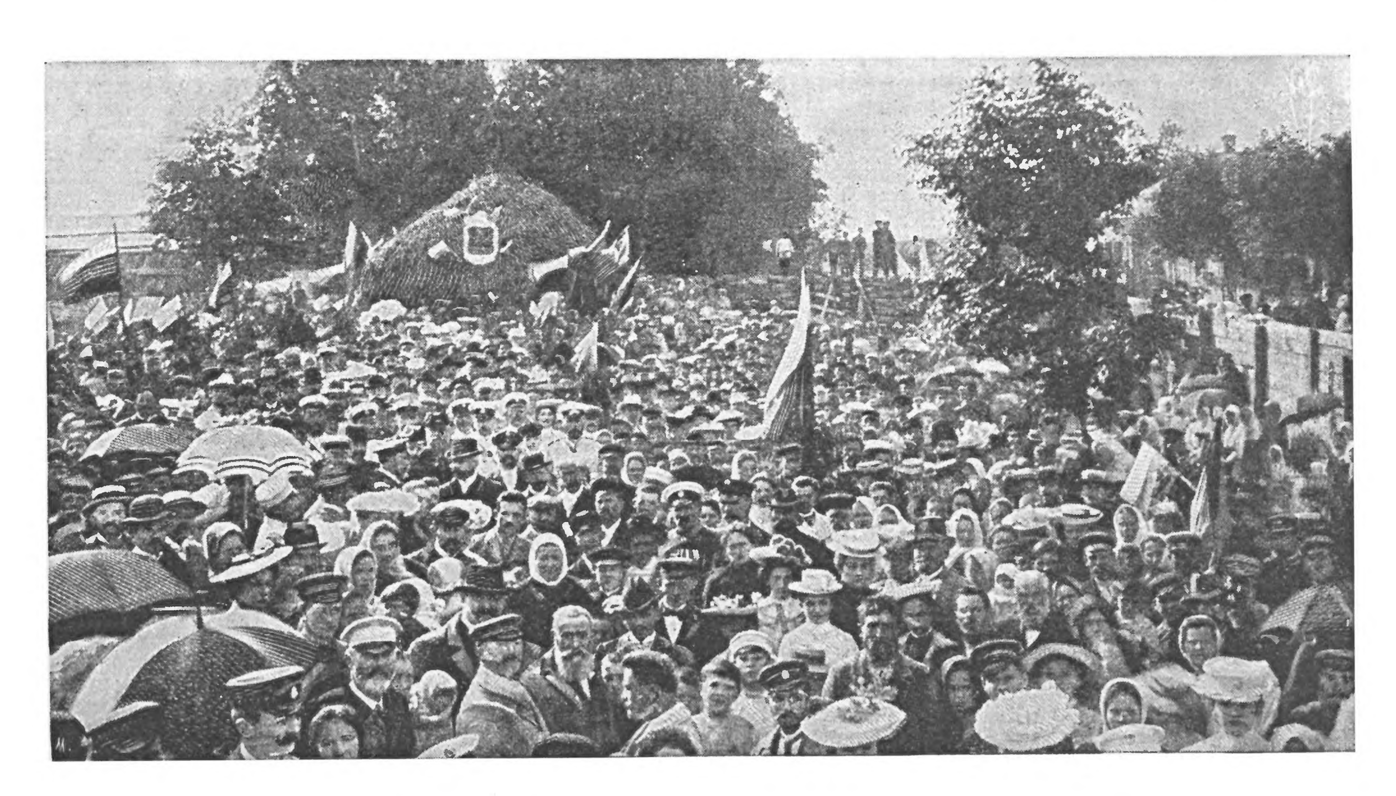

На торжественной закладкѣ городского зданія вновь учрежденной женской гимназіи въ г. Оршѣ, 26-го мая.
Въ центрѣ—Е. А. Озмидова и попечитель вил. уч. окр. т. с. В. А. Поповъ. Вправо—оршанск. город. голова И. А. Страталовичъ, влѣво—оршанск. уѣздн. предв. дворянства кам.-юнк. Высочайшаго Двора К. А. Кривошеинъ.
Съ фотографіи Х. Нѣмченка, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Одна ручная орлица высидѣла четырехъ цыплятъ, воспитала ихъ и вскормила, какъ собственныхъ дѣтей, мясомъ крысъ и мышей. Пріемыши не питали никакого уваженія къ своей пріемной матери, щипали и толкали ее, но благородная мать была великодушна и не пользовалась своей силой.

Нѣкая дѣвица Іоганна Бацъ видѣла, какъ кошка взяла пять цыплятъ, мать которыхъ погибла, подобрала несчастныхъ малютокъ подъ себя, всячески стараясь ихъ согрѣть. У естествоиспытателя Романоса была самка-хорекъ, которая, умирая, оставила нѣсколько сиротъ. Онъ довѣрилъ ихъ индѣйкѣ, которая ихъ и пріютила. Молодые хорьки не могли слѣдовать за курицей, какъ молодые цыплята; это очень сердило ихъ пріемную мать, каждый день она выходила нѣсколько разъ изъ своего гнѣзда, желая принудить погулять и хорьковъ, но они не выходили, боясь холода; тогда курица возвращалась обратно въ гнѣздо и начинала приглаживать ихъ волосы, какъ куриныя перья, причемъ съ удивленіемъ разсматривала шкурки своихъ пріемныхъ ребятъ. Но, что больше всего ее поражало, вызывая испуганный крикъ, это стремленіе молодыхъ хорьковъ найти у нея на груди грудныя железы. Въ концѣ-концовъ, Романосъ долженъ былъ отнять хорьковъ у индѣйки, хотя она влагала въ ихъ воспитаніе всю свою душу.

Молебенъ на мѣстѣ торжественной закладки городского зданія вновь учрежденной женской гимназіи въ г. Оршѣ, 26-го мая, въ присутствіи начальствующихъ лицъ, представителей городскихъ учрежденій и многочисленной толпы обывателей.
Съ фотографіи Х. Нѣмченка, автотипія „Биржевыхъ Вѣдомостей".

Типографія «БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ» (С. М. Проппера) Мѣщанская ул., соб. д. № 25. Издатель С. М. Пропперъ. За редактора Владиміръ Бонди.